

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

I. Летопись войны

Итак, прошёл почти год нашей взаимно-изнурительной борьбы за будущее Международного литературного фонда.

Немного истории. 21 ноября 2007 года состоялось заседание президиума МЛФ. Срок полномочий руководящих органов Литфонда истек 4 февраля 2008 года. Надо было срочно назначать дату проведения отчётно-выборной конференции. Председатель МЛФ Ф. Кузнецов со своими единомышленниками настояли на дате 15 апреля 2008 г. Но в таком случае с 4 февраля по 15 апреля внешняя деятельность Литфонда прекращалась из-за окончания выборного срока, и президиум продлил И. Переверзину право подписывать финансовые документы, а в том числе и денежные сметы личных расходов узкого круга переделкинских дачников на капремонты, перестройку и строительство арендуемых ими дач.

Одним из первых принёс смету на перестройку дачи председатель Литфонда Ф. Кузнецов. Она была громадной – около 4 млн рублей.

И. Переверзин обратился в Управление экономической безопасности, специалисты из этого ведомства определили расходы на ремонт в 1 млн 800 тыс. рублей. Переверзин отказался подписывать фальшивую смету.

С этого момента и началась война, целью которой было опорочить И. Переверзина и убрать его с должности директора МЛФ до конференции.

Когда группа дачников уже поняла, что И. Переверзин благодаря поддержке делегатов с мест на конференции 15 апреля устоит, они собрали 1 апреля свой президиум, объявили, что И. Переверзин уволен и что они созовут свою конференцию 22 мая: им было нужно время для мобилизации административных ресурсов.

15 апреля состоялась наша конференция, на которую съехалось 85 делегатов, представляющих 12760 членов Литфонда (из 15760). Кузнецов и его сторонники на конференцию не явились, и никто из них “по заслугам” не был заново выбран в руководящие органы МЛФ.

Конференция отменила решения кузнецовских Бюро и Президиума, допуская приватизацию общественной литфондовской собственности. На ней присутствовал представитель Минюста, подтвердивший, что всё прошло без нарушений, и потому конференция была вскоре зарегистрирована Минюстом Российской Федерации.

22 мая 2008 г. прошла конференция “кузнецовского крыла” Литфонда, на которую съехались делегаты, якобы избранные от того же общего исходного числа 15760, но как на ней мог собраться кворум, если не приехали делегаты от двух крупнейших писательских организаций России – Союза писателей России и Союза российских писателей, понять невозможно. Наверное, поэтому “майская конференция” не была зарегистрирована в Минюсте.

Член кузнецовского бюро Литфонда Г. Зайцев подал в июне 2008 г. иск в суд с просьбой признать апрельскую конференцию незаконной. В течение лета и осени 2008 г. “кузнецовцы”, понимая слабость своей позиции в суде, несколько раз не являлись на судебные заседания, обрабатывая постоянными выступлениями в “ЛГ” и на TV общественное мнение в свою пользу. Одновременно им удалось каким-то мошенническим образом за несколько месяцев сфабриковать документы, свидетельствующие, что членов Литфонда в России и странах СНГ не 15 тыс. 760, а 26 тысяч, а потому наша апрельская конференция, делегаты которой были избраны от 12750 членов Литфонда (меньше 50%, если считать от 26 тысяч!), по их мнению, нелегитимна, и все её решения тоже нелегитимны.

То, что “кузнецовцы” за несколько месяцев увеличили число членов Литфонда почти в 2 раза – над этим можно только посмеяться. Достаточно сказать, что они приняли в свои ряды “Московский профком литераторов”, куда с советских времён стекались непрофессиональные литераторы, не принятые в СП СССР (членами Литфонда могли быть только члены Союза писателей). В этой цифровой афере должен был разобраться Савёловский суд, заседавший 21 ноября 2008 г. Но он, видимо испытывавший мощное административное давление со стороны покровителей кузнецовской команды, не стал разбираться в решающем для исхода дела обстоятельстве, признал мифическую цифру в 26 тысяч реальной и потому нашу конференцию нелегитимной. Ту же позицию занял и Московский городской суд. На вопрос же нашего адвоката: “Как же так? Сами кузнецовцы избирали делегатов на майскую конференцию, исходя, как и мы, из 15 тысяч членов Литфонда. Почему же суд не учитывает этого столь важного обстоятельства?” – судья ответила: “Сегодня мы рассматриваем иск к Вашей конференции, а не к кузнецовской”, и отклонила претензию нашего адвоката. . .

Проиграв Савёловский и Московский суды, мы провели 16 января шестую внеочередную конференцию, приняли на ней новый устав Литфонда, поскольку прежний безнадежно устарел и не мог защищать организацию от всяческих опасностей нового времени; на конференцию приехали делегаты от 10 стран СНГ из 12-ти, мы пригласили на конференцию всех наших оппонентов, которым по уставу была выделена квота – 12 делегатов, мы были готовы дать им слово и выслушать их. Но они не пришли на эту, по существу, первую общую (в отличие от “апрельской” и “майской”) конференцию. Тем самым в очередной раз поставив себя вне Литфонда. . . После достаточно острой дискуссии все они (Кузнецов, Сидоров, Поляков, Кондакова, Куницын, Ерёменко, Зайцев) были исключены из членов Литфонда.

Материалы конференции были поданы на регистрацию в Министерство юстиции, на работников которых сразу стало осуществляться беспрецедентное административное давление, дабы сорвать её регистрацию. “Кузнецовцы” настолько нагло повели себя, что в пасквиле “Плутовской эпос” (“ЛГ”, № 1, 2009) прибегли к шантажу даже адвоката, защищавшего наши интересы в суде, донося на него адвокатскому начальству: **“Об этом мы обязательно спросим председателя Московской коллегии адвокатов Генри Резника, читайте, уже спросили”**.

А в следующем номере “ЛГ” от 28 января в материале “Закононепослушная юстиция” литгазетовцы в “одном флаконе” подсюсюкнули министру юстиции, чтобы тут же натравить его на негодных им сотрудников министерства:

“Мы просим министра юстиции А. В. Коновалова, давшего в эти дни блестящее интервью по ТВ о борьбе с коррупцией, обратить внимание на действия Степанова и Вороновой, которые компрометируют министерство”.

Трудно бороться со сплочённым отрядом приватизаторов, за спиной которых стоит нешуточный административный ресурс. Ну, посчитайте сами – в их компании Д. Жуков, отец А. Жукова – нынешнего вице-премьера, В. Ерёменко – пресс-секретарь третьего по рангу чиновника в государстве С. Миронова, бывший министр культуры ельцинской эпохи и посол РФ в Юнеско Е. Сидоров, со всеми своими наработанными связями, член президентского Совета по культуре и одновременно главный редактор и “Литературной газеты” и функционер “Единой России” Ю. Поляков, опытнейший профессиональный функционер со стажем, со связями, простирающимися от прежнего ЦК КПСС до нынешней президентской администрации Ф. Кузнецов. Петиции в их поддержку шлют по разным адресам Д. Гранин, Е. Евтушенко, Б. Ах-

мадуллина и другая тяжёлая артиллерия. (Впрочем, Гранин и Ахмадуллина подписывают всё что попало: они даже позорное расстрельное письмо Ельцину в октябре 1993 г. подписали.)

В борьбе с нами приватизаторы много раз задействовали разные программы Центрального телевидения, весь 2008 год обливали нас клеветой и ложью, аж чуть не в каждом номере “Литгазеты” (тираж каждого номера 130 тыс.), потом подключили “Московский комсомолец” (тираж 1,5 млн).

Так что информационную войну мы им проиграли с треском... Но мы подаём апелляцию в надзор при Горсуде, в Верховный суд и надеемся, что они разберутся, каким образом Литфонд, который за несколько десятилетий достиг численности всего лишь 15 тысяч членов, вдруг за несколько месяцев почти удвоил свой состав.

Впереди у нас может наступить период безвластия: все выборные сроки руководящих органов МЛФ истекли год с лишним тому назад. Надо немедленно созывать ещё одну конференцию с участием обеих сторон. Но на неё приедут делегаты, которые уже два раза единогласно выбирали нас. Выберут и в третий, потому что делегаты русской литературной провинции (а их будет более чем 70% от присутствующих) презирают переделкинское хищное барство. Административный ресурс – на стороне приватизаторов, на нашей, как писал Пушкин, “мнение народное”.

Как бы война ни закончилась, но последующее поколение небогатых дачников-арендаторов, в том числе тех, кто стоят в очереди на дачи, всё равно скажут нам спасибо за то, что мы своей борьбой, думаю, навсегда похоронили идею приватизации и выполнили свой долг перед писательским братством, спугнув хищную кузнецовскую стаю, когда она уже подкрадывалась к добыче. Так что пускай пока не формально, но морально мы всё равно – победители.

II. Момент истины

Летом 2008 года я получил письмо от бывшего члена кузнецовского бюро и одного из переделкинских дачников Владимира Куницына. Письмо длинное, но в нём было несколько основных упреков, на которые я хочу ответить.

“... Неужели Вы и в самом деле верите в то, что я, Владимир Куницын, только и думаю о том, как бы мне половчее “обокрасть” своих коллег-товарищей и приватизировать втихаря жирный кусочек родной землицы? Обижаете... В архиве МЛФ должны быть все документы по, скажем, моей даче (...) и кстати, Вы не найдёте там ни одного слова о приватизации. Ни в одном документе, ни с моей, ни со стороны МЛФ. Клянусь. Проверьте лично, Станислав Юрьевич. Что касается 202 м² в моём дачном владении, Станислав Юрьевич, откуда Вы взяли эту цифру?”

Далее идёт подробный рассказ о том, как, получив после смерти отца, Г. Куницына, дачу, он, его сын, стал перестраивать, расширять, ремонтировать её на свои “кровные” и увеличил её общую площадь с 57 м² всего лишь до 152 м², а отнюдь не до 202, как было у меня написано в статье “Соблазн чубайсовщины”, опубликованной в “Лит. России” 23 мая 2008 г.

В самом конце письма была робкая оговорка:

“О долгосрочной аренде шла речь, это правда... Я и теперь считаю, что такая аренда – правильный и справедливый шаг. Это гарантия, что потраченные, и немалые деньги (кровные), не уплывут в недобросовестные руки (...) послужат тем, кто их вложил – твоей семье. И при чём здесь приватизация? Речь идёт лишь о том, что МЛФ, подсчитав твои расходы, даёт тебе гарантированное право жить на этой даче определённое количество лет и в случае внезапной кончины члена МЛФ не выгонит на улицу его семью и не вселят того же Петра Алёшкина”.

... Владимир Георгиевич, вы написали мне жалостное, но лукавое письмо. Вы погорячились, утверждая, что я не найду в архиве МЛФ “ни одного слова о приватизации”. Вот вам отрывок из “Долгосрочного договора аренды”, утверждённого Бюро президиума МЛФ 6 июля 2006 года, а значит, и Вами, как членом бюро. Документ подписан Ф. Ф. Кузнецовым.

“При капитальном восстановлении строения за счёт личных инвестиций писателя или возведении его заново объект в соответствии с Концепцией реконструкции и развития городка писателей Переделкино

может быть передан инвестору в собственность с предоставлением ему земельного участка в пределах 0,25 га³. Сколько сказано красивых и высокопарных слов: “концепция реконструкции и развития” и т. д. – ради главной мысли: “приватизировать можно!” – и не через суд, как это получилось у Евтушенко с Поляковым. А тут проще: сами заключили “инвестиционный договор”, и сами на бюро передали перестроенную дачу с участком в собственность заявителя... На всякий случай ваше бюро, возглавляемое Ф. Кузнецовым, летом того же 2006 года утвердило, кроме “договора о долгосрочной аренде”, ещё и “Положение о долгосрочном договоре аренды”, где попыталось замаскировать идею приватизации:

“Срок долгосрочного договора определяется объёмом инвестиций, которые арендатор в соответствии с утверждённой дирекцией МЛФ сметой затрачивает на капитальный ремонт (реконструкцию) объекта аренды.

В этом случае: при затраченной сумме не менее 650 тыс. рублей – срок действия договора 10 лет; при затраченной сумме не менее 1300 тыс. руб. срок действия договора 20 лет; при 1950 тыс. рублей – 30 лет, при 2600 тыс. руб. – 40 лет, при затраченной сумме 3185 тыс. руб. – 49 лет”. Но где же окончательная, главная цель этой схемы? Вот она: **“Если в силу необходимости (форс-мажорных обстоятельств, аварийного состояния объекта, реконструкции) (какой благородный стиль, какие честные намерения и забота о процветании “Переделкино”! – Ст. К.) объект аренды с разрешения Бюро президиума (члены бюро – разрешают сами себе! – Ст. К.) возведён или восстановлен заново за счёт личных инвестиций арендатора (при затратах не менее 3185 тыс. рублей), объект на основании дополнительного соглашения (вот для чего оно понадобилось! – Ст. К.), являющегося неотъемлемой частью договора, может быть узаконен в качестве собственности арендатора-инвестора”**.

Вот и наступил “момент истины”, Владимир Георгиевич. Каждый из вас, истратив на “реконструкцию” “не менее 3185 тыс. рублей” (по нынешнему курсу – 90 тыс. долларов, цена комнаты в коммуналке), приобретает за эти деньги собственность, рыночная цена которой в зависимости от величины участка и площади дачи от одного до трёх миллионов долларов.

А вы мне ещё писали, что в документах Литфонда кузнецовского периода правления я не найду “ни одного слова о приватизации”, что вы ни сном, ни духом “не думали” о том, “чтобы приватизировать втихаря кусочек родимой земли”. Не надо лукавить. Думали. Для того и вкладывали свои “кровные”, для того и расширяли площадь построек с 57 м² до 202 м², для того и “троих братьев” пригласили участвовать в этом проекте. Вы упрекали меня, что я вас оболгал, сообщив о 202 квадратных метрах вашей дачи. Но в документах, которые остались от кузнецовского и вашего совместного с ним правления, мне удалось найти “Проект реконструкции” вашей переделкинской дачи, заказчик В. Куницын, главный архитектор Е. Корнева. В проекте есть изящный чертёж двух этажей вашего нового особняка. Площадь первого этажа – 140,1 м², площадь второго – 109,7 м². Итого – 249,8 м². А вы на меня за 202 м² рассердились... “Обижаете...” Именно в этом документе обозначены дачные площади вашей “судебной бригады” – у В. Ерёмченко 274 м², у Е. Сидорова 344 м², у Г. Зайцева 130 м², у Н. Кондаковой 114 м², у Е. Евтушенко 294 м² и у Ю. Полякова 94 м² (площадь второй дачи не указана). Ваш отец оставил вам дачу всего лишь в 57 м². Вы вместе со своими “тремя братьями” “на свои кровные” увеличили эту площадь в 4 раза. А если бы вам пригласить ещё сестёр, племянников, двоюродных братьев да расширить эти несчастные 202 м² до 300 или 400? Обогнать Е. Сидорова, у которого только 340 м²? Расширяйтесь, вкладывайте “кровные”, несите новые сметы и счета в Литфонд, заключайте “долгосрочные договора” на всю родню, чтобы после вас было чем владеть могучему куницынскому роду. А потом Кузнецов всю вашу родню сделает членами Литфонда. А почему бы нет? Они же вложили в “капремонт” свои “кровные”. И неважно, что никто ничего не пишет. Время, когда писатели творили “нетленку” на переделкинских дачах, ушло безвозвратно. И, вообще, из Переделкино пора сделать маленький околотитературный Куршавель.

Вы резонно побаиваетесь, что после вашей смерти ваша дача, увеличенная четверо “на кровные”, попадёт к “какому-нибудь Алёшкину”. Да, это обидно будет, но выход из положения есть. Три четверти дачи, построенные

вами при участии вашей многочисленной родни, могут по проекту Кузнецова отойти к ней. Но, во-первых, без земли. А во-вторых, одна четверть, которую изначально получил от Литфонда ваш отец, всё-таки не ваша, она литфондовская, казённая, и вот Литфонд эти бесспорные 57 м² по любому праву, хоть римскому, может передать кому угодно, хоть тому же Алёшкину. Так что пусть ваши наследники будут готовы и к этому варианту.

Вы пишете о себе, что отстаивали Литфонд от жулика Гюлумяна: *“Мы, таскаясь по судам, а не вы, Станислав Юрьевич, остановили его и спасли для всех нас не только Переделкино – всё оставшееся неразворованное имущество МЛФ”*.

Ну, во-первых, кроме вас, *“таскавшихся по судам”*, писательскую собственность отважно защищал ненавистный вам И. Переверзин. Его, а не вас наёмники Гюлумяна выбрасывали вместе с креслом из Литфондовского кабинета, его, а не вас избивали, ему, а не вам сломали руку. Но он выстоял.

Во-вторых, отсудив имущество Литфонда от Гюлумяна, в чьи руки вы его передали? В руки Огнева, продавшего писательскую поликлинику? В руки Полякова, тут же отхватившего у Литфонда в личную собственность дачный участок? В руки Кузнецова, разработавшего коварную схему приватизации Переделкино?

Сменить Гюлумяна на Кузнецова означало то же самое, что сменить криминального авторитета на грамотного комбинатора, придумавшего *“законную”* ваучерную приватизацию, где роль ваучеров играют счета за *“капремонты”*, *“перестройки”*, *“надстройки”* и т. д.

Жили-поживали, десятилетиями не думая о *“капитальном ремонте”*, о *“реконструкции”*, но почему-то именно после того, как в 2006 году под руководством Кузнецова бюро утвердило *“положение о долгосрочной аренде”*, почти все члены бюро в пожарном порядке, как по команде, стали вкладывать громадные деньги в ремонт, как будто именно после дачи у них сразу стали рассыпаться, полы проваливаться, крыши потекли... В казённое жильё не хотели деньги вкладывать, а как почувствовали, что дачи могут стать *“своими”* – побежали в Литфонд со сметами. Вот кто первыми притащили сметы на заключение *“долгосрочного договора аренды”*. Кондакова – на 2 млн 700 тысяч рублей, Георгий Зайцев – *“смета”* на 1 млн 116 тысяч рублей, Владимир Куницын – *“смета”* в 2 млн 351 тысячу рублей, Владимир Ерёменко – *“смета”* на 1 млн 465 тысяч рублей. И, наконец, Феликс Кузнецов – более чем на 3 миллиона рублей.

Почти все *“сметы”*, все *“проекты реконструкции”*, все *“дефектные ведомости”*, все *“перечни работ”* – собственники составляли *“от фонаря”* сами.

Ну в этом списке с весьма скромными затратами на *“капремонт”* стоят Костров (*“смета”* на 621 тыс. рублей) и Личутин (на 838 тыс. рублей). С такими цифрами им ждать приватизации придётся долго.

Я вас понимаю, Владимир, что за столько лет жизни после смерти отца вы сроднились с Переделкино. Критика талантливого из вас не получилось, литературой вы уже давно не живёте, остался один смысл жизни – расширять дачу. Я тут спрашивал ваших ровесников – помнят ли они ваши статьи, книги? Нет, не помнят. Разве что воспоминания об отце. Я помню его. Это был честный, прямой человек, настоящий коммунист. Он бы ни за что в жизни не помыслил покуситься на писательскую собственность. А вы не в него, вы стеснительны, но свой интерес блюдёте, как застенчивый Альхен из романа *“12 стульев”*. Двигаясь по кузнецовской схеме к последнему пункту *“долгосрочного договора”*, вы делаете вид, что это вас не интересует: *“какая приватизация?”*: *“У меня и мыслей таких нету”*, *“мне это не нужно!”* Однако документ со сметой затрат в два с лишним миллиона рублей вы на всякий случай в Литфонд забросили.

До заветной приватизационной цифры вам осталось ещё вложить своих *“кровных”* чуть больше миллиона...

III. Моя *“малява”*

В одном из январских номеров *“Литературной газеты”* (репортаже *“Плутовской эпос”*) есть абзац, в котором автор, укрывшийся под псевдонимом Хохловский, сознательно лжёт, искажая смысл моего выступления на 6-й вне-

очередной конференции Международного Литературного фонда, которая состоялась 16 января 2009 г. Псевдоним, говоря об исключении из МЛФ семейных дачников, пишет: **“Куняев требовал исключить ещё и Евтушенко за то, что Видновский суд ещё в 2003 году признал Евгения Александровича собственником дачи, которую поэт воздвиг в Переделкино за свой счёт”**.

На самом же деле я обнаружил в архиве Литфонда **“Дополнительное соглашение”** от 29.12.2000 г. в котором было чёрным по белому записано, что Е. Евтушенко **“разрешается осуществить строительные работы с целью расширения помещения кухни на 1-м этаже и надстройкой его на мансардном этаже” “за свой счёт”** при одном условии, которое в “соглашении” звучит так: **“Согласно п. 5.4 договора аренды от 29.12.2000 г., после полного окончания вышеуказанных работ, пристройка и надстройка кухонного и мансардного помещений в дачном строении по ул. Гоголя, дом 1 в городке писателей “Переделкино” передаются в собственность Международного Литфонда в качестве благотворительного взноса”**. Последние семь слов в документе выделены жирным шрифтом. Подпись **“Е. Евтушенко”** есть подпись председателя МЛФ, печать есть. Всё чин чинном. А на конференции я сказал так: **“Но чем же на деле всё закончилось сразу после “завершения строительных работ”? Тем, что вместо передачи своих объектов Литфонду “в качестве благотворительного взноса” знаменитый поэт побежал с иском в суд. Требуя в иске передать ему участок с дачей в собственность...”**

Зал конференции загудел от негодования, а я добавил: **“Ну, как говорится, что с возу упало, то пропало. Против судебного решения мы едва ли что можем сделать. Но как может быть членом Литфонда человек, во-первых, нарушивший условия договора и не сделавший никакого обговоренного в соглашении “благотворительного взноса”, а вместо этого, наоборот, отобравший у писателей кусок их общественной собственности! Он ведь тем самым поставил себя вне устава МЛФ, вне коллектива честных арендаторов, то есть вне Литфонда. Оставлять ли его в Литфонде – решать вам”**.

Конференция, горячо поспорив, не стала ставить этот вопрос на голосование, и я в кулуарах во время перерыва любопытствовал – почему? Ответы были разные. Игорь Тюленев резонно заметил, мол, только что прошло телешоу “Имя Россия”, где имя Сталина фактически заняло первое место. А ведь Евтушенко внёс своими юношескими стихами о Сталине ещё при жизни вождя неоценимый вклад в поэтическую Сталиниану: **“Рука бы не поднялась за такую заслугу перед Отечеством исключать его из Литфонда!”**

А другой делегат, кажется, Виктор Смирнов из Смоленска, заявил, что израильский кнессет недавно выдвинул кандидатуру Евтушенко на Нобелевскую премию за стихотворенье “Бабий Яр”: **“А вдруг получит? С этими нобелями, если вспомнить Пастернака, Бродского, Солженицына, лучше не связываться!”** Но как нагло передёргивает слова и аргументы моей речи “Литгазета”! Совести нет – и ничего не боятся, знают что СМИ в их руках, что нам негде заведомую ложь опровергнуть.

Далее в моей речи был кусок текста о том, что одновременно с Евтушенко **“Ю. Поляков, построивший на выделенном ему в 1998 году участке дачу и обещавший своё новое строение поставить на баланс Литфонда (тому есть много свидетелей. – Ст. К.) тоже в 2003 г. подал заявление в тот же суд, с тем же требованием “передать ему участок с дачей в собственность”**.

А в исковом заявлении писатель-сутяга объяснил причину своего иска так: **“По договору мне была гарантирована пожизненная аренда возведённого мной дома. Строительство дома было закончено в установленные сроки, затрачено на строительство более 120 тысяч долларов США, однако генеральным директором МЛФ указанный договор (пожизненной аренды. – Ст. К.) не был оформлен надлежащим образом, что сделало договор юридически ничтожным”**.

Углядел крючокотвор юридическую неточность и воспользовался! Дал обещание – взял его обратно, он ведь хозяин своего слова. Документа о “благотворительном взносе”, как Евтушенко, Поляков не подписывал. А слово к делу не пришлётся. Как приятно облапошить доверчивых соратников по литературе, товарищей по Литфонду, соседей по Переделкино! Разве кто из них мог подумать, что сам Председатель Литфонда, главный редактор газеты, ратующей за честь и достоинство литературы, обманет своих друзей-писателей?

Наивные люди, вы что, не знаете, что одна земля этого участка безо всяких дач стоит более миллиона долларов? И вы хотите, чтобы Поляков после себя оставил его какому-то Литфонду? А сама история поляковского строительства есть настоящий “Плутовской эпос” (название беру из “ЛГ”, извините). Рядом с поляковским участком, где он построил на фундаменте сгоревшей дачи, ранее принадлежавшей Римме Казаковой, свою первую дачу, стояла небольшая дачка, так называемая “сторожка”, в которой жил отнюдь не сторож, а зам. главного редактора журнала “Вопросы литературы” Н. Анастасьев. Поляков, став в 2003 г. председателем МЛФ, предложил Анастасьеву дачу Личутина, а Личутину подыскал более просторный участок, с более удобной дачей, покойного Поженяна. А чтобы Анастасьев не артачился, ему даже земли прибавили. После этого Поляков созвал бюро Литфонда и доложил, что у него семейные проблемы с жильём (дочери нужна дачка), и потребовал дать ему в аренду опустевшую скромную дачку-сторожку Анастасьева. Затем снёс её (то есть уничтожил литфондовское имущество) и на этом месте построил вторую дачу – для дочери. Вот какую классную рокировку осуществил наш великий комбинатор! Какой мат Литфонду поставил! Вот это – настоящий “плутовской эпос”!

Я вообще думаю, что в новый устав Литфонда надо обязательно вставить пункт о том, что всякий член Литфонда, всякий переделкинский арендатор, нанёсший организации существенный материальный ущерб, посягнувший на общественную собственность, тем самым выводит сам себя из литфондовского товарищества и автоматически, безо всяких решений бюро, безо всяких дискуссий, исключается из Литфонда. Делая такой выбор, он исключает из Литфонда себя САМ. Ты становишься собственником и чужим человеком для всех нас. Это же абсурд, что Поляков и Евтушенко после выигрыша у Литфонда судебных исков остаются членами Литфонда, платят, пользуясь литфондовскими льготами, за землю, за метраж, за коммунальные услуги по льготным ценам. Сразу же на следующий день, как они выиграли суд против ЛФ, их надо было перевести на коммерческие расценки, которые в несколько раз выше льготных.

Передо мной лежат документы, свидетельствующие, что *“существующая арендная плата (за дачную жизнь в Переделкино. – Ст. К.) составляет лишь 22,53% от расчётной”*, что на содержание городка писателей Переделкино Международный литературный фонд ежегодно перечисляет “дирекции по эксплуатации” около полутора миллионов рублей. Но почему собственники типа Евтушенко и Полякова платят, как все остальные арендаторы, лишь 22,53% от реальной расчётной платы за свои дачи и участки, – я не понимаю. Это вершина экономического абсурда. А когда приватизатор Евтушенко негодует по поводу решений нашей конференции, заботится об “интересах Литфонда”, льёт крокодильевы слёзы – это вершина юридического абсурда!

Подлую роль в приватизации поляковской и евтушенковской усадеб сыграла Н. Кондакова. Она с доверенностью на ведение общих дел (для такого важного судебного дела ей должна была быть выдана специальная доверенность), подписанной уходящим в отставку Огневым (его сменил Поляков), пришла 30.1.2003 г. в Видновский городской суд втайне от членов бюро и президиума Литфонда и вместо того, чтобы защищать его интересы, “подарила” приватизаторам переделкинские дачи с участками.

В “поляковском” решении Видновского городского суда от 30.1.2003 г. сказано, что **“представитель международного Литфонда Кондакова Н. В. иск полностью признала”**, что Литфонд **“прав Полякова Ю. М. на возведённые им строения не оспаривает и на них не претендует”**. Об иске Евтушенко в решении суда сказано так: **“С согласия МОБОП Литфонд он перестроил старые и возвёл новые строения за свой счёт”**, с ним раньше был **“договор аренды, по которому он получил в пользование щитовую дачу”** (где она? – Ст. К.). **“Кондакова иск полностью признала”** и пояснила, что организация МЛФ **“прав истца на возведённые и перестроенные им строения не оспаривает”**.

Будь на месте этой лжесвидетельницы честный человек, который заявил бы суду, что Евтушенко по соглашению с Литфондом обязался передать Литфонду **“в собственность в качестве благотворительного взноса”** всё, что он пристроил и надстроил, а Поляков при многих свидетелях не раз заявлял, что поставит свой отстроенный особняк на баланс Литфонда и что дача ему и так

даётся пожизненно, никакой суд не посмел бы вынести решение в пользу ловких истцов, видимо, находившихся в сговоре с Кондаковой. В один день, в одно время, в течение одного заседания эта троица обтяпала постыдное судебное дело... А лжесвидетельство (или недопустимое превышение полномочий) Кондаковой вообще на уголовщину тянет. И срока давности не имеет.

Последний раз мы откровенно поговорили с Поляковым в декабре 2008 г. на исполкоме МСПС, на котором Сергей Владимирович Михалков снял Кузнецова с должности первого секретаря исполкома.

Был перерыв, и я с несколькими членами исполкома сидел в бывшем кабинете Кузнецова.

Открылась дверь, и совершенно пьяный Поляков подошёл к столу и сел напротив, прожигая меня взглядом.

– Станислав Юрьевич! Я вас печатал! “Литгазета” щедро отметила ваш юбилей. Почему вы подвергаете сомнению моё право на собственность в Переделкино?

– Ну и что, Юрий Михайлович, что вы меня печатали. Я ваш роман тоже печатал, но при чём здесь Переделкино? Право на собственность Вы обрели благодаря лжесвидетельству Кондаковой.

– Но суд признал законным моё право на собственность!

– Плевал я на такой суд, Юрий Михайлович!

– А я вашу маляву, где вы просите для себя дачу в Переделкино, напечатать!

– Пожалуйста, Юрий Михайлович, пусть писатели знают, что переделкинскую дачу я жду уже четверть века.

Он встал, хлопнул дверью и, покачиваясь, вышел. Переверзин, я, Василенко, Конопляников и др. сидели и долго удручённо молчали... А маляву он не решился напечатать, но вспомнил о ней в пасквиле на нашу конференцию – в репортаже “Плутовской эпос”, где обо мне сказано, как о **“пишущем жалобные заявления с просьбой дать хоть какую-то дачку, а то стихи сочинять негде (образчик такой “малявы” имеется в редакции)”**.

Смешной человек. Я сам готов опубликовать это заявление, чтобы всё всем стало ясно. Вот она, эта “малява”:

“Прошу предоставить мне дачу в писательском городке Переделкино. В 2007 году мне исполнилось 75 лет, одновременно с этим юбилеем прошёл и другой – 50-летие литературной деятельности. Определённые заслуги перед русской литературой я имею: помимо творческой работы (30 книг стихотворений, 15 книг критики, публицистики, мемуаров, несчётное количество переводов), 4 года работы в должности секретаря Московской писательской организации, 8 лет преподавательской работы в Литературном институте, 18 лет руководства лучшим литературным журналом России “Наш современник” в труднейших условиях перестроечного лихолетья. Надеюсь, что и 7 изданий книги “Сергей Есенин” в серии ЖЗЛ (за 12 лет) тоже кое-чего стоят.

Ни разу за пятьдесят лет литературной жизни я не получал ни от государства, ни от Союза писателей СССР и России ни городской квартиры, ни загородной дачи. Всегда обходился собственными силами и кооперативными вариантами. А все книги свои писал, приезжая к матери в Калугу. Но сейчас, когда я живу в небольшой двухкомнатной кооперативной квартире (где у меня даже нет рабочего кабинета), находясь в преклонном возрасте, остро почувствовал необходимость иметь дачу недалеко от Москвы, где я мог бы писать свои книги и откуда мне было бы удобно ездить на работу в журнал.

В советское время я подавал заявление на дачу в Переделкино, но тогдашние руководители СП ССР Марков и Верченко не вняли моей просьбе из-за моего участия в дискуссии “Классика и мы” и письма в ЦК КПСС по поводу “Метрополя”. Так что будем считать, что моё заявление о даче лежит в Литфонде с 1981 года.

За эти десятилетия многие мои друзья-писатели не раз и не два получали от государства и Союза писателей и квартиры, и дачи.

Я же, повторяю, никогда не пользовался этими возможностями.

Ст. Куняев”.

Летом 2007 года я отнёс эту “маляву” Ф. Кузнецову, который подтвердил мне, что первый вариант заявления от 1981 года он видел в груде других и что

он мне “что-нибудь подыщет”. Чтобы искали не долго, я копию заявления послал Полякову, всё-таки авторитетный член бюро, глядишь, и поддержит.

Кстати, заявления на дачу писали, начиная с середины 30-х годов, когда возникло Переделкино, все арендаторы дач, и все будущие без них не обойдутся. У меня просто оно получилось длинноватым, надо было объяснять литфондовскому начальству, что слишком долго жду, что многие писатели, кто мне в сыновья годятся, давно уже разгуливают под переделкинскими соснами.

... Но как не стыдно литературному барину, построившему уже два особняка на писательской земле, не заплатившему Литфонду ни копейки за снесённую дачу-сторожку, глумиться над моей естественной, особенно в мои годы, просьбой! А что касается слова “малява”, то поскольку оно родилось в блатной среде и от него пахнет криминалом и мошенничеством, то именно “малявой” уместно назвать его судебный иск к родному Литфонду.

А я-то думал, что, когда бывшие при Кузнецове члены бюро прочитают мою “маляву”, им станет неловко... Нет, ёрничают! Да я и сам теперь понимаю, что жить в Переделкино рядом с такими крупными писателями, как Е. Сидоров, В. Куницын, В. Ерёмченко, Г. Зайцев, Н. Кондакова, заслуженно обладающими своими угодьями, прогуливаться у них на виду по священным, намоленным аллеям мне как-то не по чину. Совестно лицезреть так запросто, как обычных смертных, этих классиков, так что считайте мою “маляву” недействительной, живите спокойно на бывших дачах Симонова, Каверина, Тихонова, Фадеева, Смелякова, Катаева, Леонова.

Теперь вы вместо них вершите судьбы русской литературы.

IV. Операция “Наследник”

Заглянув, по совету Куницына, в литфондовский архив, я наткнулся на толстенную папку с фамилией “Д. Жуков”. Перечитал её и понял, в какую переделкинскую историю попал 80-летний ветеран нашей литературы. Несколько лет тому назад он, перечислив все свои заслуги перед государством и литературой, написал “маляву” в Литфонд, по совпадению сразу после того, как в июне 2006 г. Ф. Кузнецовым и К^о было принято “положение о долгосрочном договоре аренды”. Из заявления Д. А. Жукова:

“В связи с постановлением Бюро Президиума МООП “Международный Литфонд” от 21 июня 2006 года и с реконструкцией предоставленных мне сторожки и трёх гаражей (сносением их и возведением дома), а также обустройством участка площадью 0,25 га, прошу заключить со мной долгосрочный договор аренды”.

25 августа 2006.

Как вы думаете, если 80-летний человек пишет такое заявление, то о ком он заботится? Ну, конечно, уж не о себе (ему в таком возрасте странно просить пожизненную аренду), а о родных, которые после него будут жить в этом доме.

Но его заявление о том, что он сносит “сторожку и три гаража” и на их месте “возводит дом” было слишком неудобным для Кузнецова, который все такие планы маскировал под формулировкой “реконструкция”, “капитальный ремонт”, “перестройка”, и поэтому в дальнейших документах Литфонда честное признание Жукова о том, что он “возводит дом”, исчезает. Вот, к примеру, лукавая выписка из протокола заседания Бюро Президиума Литфонда от 25.10.2006. “Слушали заявление члена МЛФ Жукова Д. А. о капитальном ремонте и восстановлении выделенного ему дачного строения... “за счёт собственных средств арендатора”. Постановили: “разрешить осуществить капитальный ремонт, восстановление и реконструкцию строения за собственный счёт”, “утвердить смету расходов и заключить соглашение с арендатором о проведении капитального ремонта, восстановления и реконструкции строения”, “осуществить приёмку данного строения”, “заключить с арендатором (наследниками) – договор в соответствии с положением о долгосрочном договоре”. Ф. Кузнецов.

Слово “наследники” – здесь главное, потому что стройка – для них...

А вот выписка из протокола Бюро МЛФ от 21 июня 2006 года по поводу Жукова:

“Предоставить строение (бывшая сторожка Тура Р. П.)”, “заключить долгосрочный договор аренды в соответствии с Положением об изменении возможных сроков аренды”. Под распоряжением подпись того же Ф. Кузнецова.

Есть в жуковской папке заключение о состоянии сторожки, в которой до этого много лет жил не какой-то “сторож”, а член Союза писателей, член кузнецовского бюро Литфонда и даже председатель жилищной комиссии В. Тур. То есть сторожка была настоящей жилой небольшой дачкой. Но её по акту надо снести, чтобы освободить место для строительства жуковского дома. Из акта о судьбе несчастной “сторожки”: “крыша протекает”, “деревянное крыльцо покосилось”, “забор деревянный штакетник сгнил на 90”, “отмостка частями отсутствует”, “строения требуют полной реконструкции”. 12 декабря 2006. *Начальник дирекции Очеретняя М. Н.* Круглая печать.

Бедный Валерий Тур! Как он мог жить в таком “бомжатнике”!

А дальше в жуковской папке – на 26 страницах сплошная песня! Двухэтажный особняк с верандой, с красной ондулиновой крышей, обшитый сайдингом, нарисован анфас, в профиль, с видом сверху, в разрезе. Как сказано в описании – с пятью комнатами, с четырьмя спальнями, с двумя холлами, с гостиной, с наружными и внутренними лестницами, с кухней, естественно, с душевой, с туалетом, с балконом, построенный с нулевого цикла, с планом первого этажа, с планом второго этажа, с бойлерной... Вот вам и “капитальный ремонт” вместе с “реконструкцией”!

“Построен фирмой “Проект Домстрой”. Заказчик Д. А. Жуков”. Правда, официальная стоимость не указана. Но думаю, что она больше 3 миллионов, что и нужно по кузнецовской схеме для **“оформления в собственность”**. Дом построен. Но даже в последнем документе от 14.2.2007 содержатся слова только о капремонте!

“Соглашение о проведении капитального ремонта арендуемой дачи за счёт средств арендаторов. 14 февраля 2007 г.

Пункт 4. “На основании Акта о завершении работ по капитальному ремонту в соответствии с ранее принятым решением Бюро президиума МЛФ с арендатором (его наследниками) заключается долгосрочно-арендный договор, срок которого определяется исходя из положения о долгосрочном договоре аренды в городке писателей Переделкино (п. 2). Подписи”.

Без слова **“наследников”** – ни один документ уже не составляется.

Как ни маскируйся – всё равно шила в мешке не утаишь. Всё равно надо где-то юридически застолбить формулировку о праве на приватизацию и о наследниках не забыть.

Самого Жукова-старшего я виню меньше всех. Это всё режиссура и постановка Ф. Кузнецова. Его пробный пилотный образцово-показательный номер: выгорит дело с Жуковым – и с остальными всё будет в порядке. О себе ведь пора подумать. Кузнецов всего лишь на четыре-пять лет моложе Жукова, ему тоже “пожизненная аренда” ни к чему, у него тоже есть наследники – дочка с внуком в Германии.

Поэтому “дело о Жукове и его наследниках” (а один из наследников – это вице-премьер правительства РФ сын Дмитрия Анатольевича), было так тщательно разработано и безукоризненно выполнено Ф. Кузнецовым, чтобы оно стало убедительным прецедентом для начала приватизационного процесса, затормозившегося на несколько лет после нескольких неуклюжей приватизации евтушенковского и поляковского судебного образца. А здесь – комар носа не подточит... Звонил мне Д. Жуков не раз: *“Станислав! Пора мне узаконивать свою дачу!”* А что ему ответить? *“Бери, мол, Кондакову, она знает, что делать, идите в Видновский суд”?* Не знаю, что делать. Больно уж человек хороший. Настоящий патриот. С полувековым стажем. Один из создателей в начале 60-х годов “Русского клуба” и даже таинственной “русской партии”, как утверждает А. Байгушев в книге “Русская партия внутри ЦК КПСС”.

Правда, сейчас Жуков является шеф-редактором гламурного журнала “Саквояж”, который, как сказано в выходных данных, *“распространяется в вагонах СВ и повышенной комфортности ОАО “Российские железные дороги”*, где печатаются только “писатели-демократы” – и помещается реклама рубашек, стоимостью 20 тыс. рублей.

Но дело не в этом. Я не могу поверить, что вице-премьер А. Жуков мог быть участником этой интриги и дал соглашение на использование своей персоны под условным обозначением “наследник”. Скорее всего, Ф. Кузнецов блефовал, злоупотребляя этим словом в документах, чтобы показать своей свите, какого рода административным ресурсом он располагает.

Неужели придётся Литфонду уступить? Плевать против ветра – дело неблагодарное. Разве у такого “административного ресурса” суд выиграешь? Но если у кого-то поднимется рука подписать с Жуковым-старшим кузнецовский “договор о долгосрочной аренде”, то пусть хотя бы вспомнят о том, чтобы Литфонду была выплачена компенсация за снесённую “сторожку” и три уничтоженных гаража. Как говорится, хоть шерсти клок. . .

Удивляет и озадачивает меня ещё одно обстоятельство. Почему такие, мягко говоря, небедные люди, как Поляков, Евтушенко, Жуков, из кожи вон лезут, чтобы обустроиться именно в Переделкино. Вам противно жить в скромных, недорогих, некомфортабельных переделкинских дачах, желаете чего-то побогаче, попрестижнее – ради Бога! Столько в Подмосковье строится больших и малых, разной стоимости Рублёвок. . . Стройтесь, покупайте. А уж последнюю общественную собственность – Переделкино с пожизненной дачной арендой оставьте для небогатых и некорыстных писателей.

V. Переделкинская шахидка

В конце января я уехал в родную Калугу, куда мне позвонила одна давняя знакомая и с возмущением рассказала, что Ю. Поляков опубликовал в “ЛГ” от 28 января полосу стихов Н. Кондаковой, в которой есть пасквиль обо мне. Я пошёл в библиотеку, прочитал пасквиль, посмеялся над глупостью этого опуса и сначала хотел махнуть на беспомощную клевету рукой, но в посвящении стоят мои инициалы и фамилия в сокращённом виде. Ещё несколько звонков такого рода последовало. Ну, коли так, если люди думают с возмущением, что это обо мне – то значит, надо клеветнице на эту грязь ответить. Перчатка брошена, а я человек публичный, к тому же Кондакова так подставилась в своих рифмованных проклятьях, что не воспользоваться ответом ей, а одновременно и Полякову – было бы легкомыслием. Вот текст пасквиля:

“С. Ю. К-ву. Ах, как же ты рвёшься к большому корыту, ах, как же копытками нервно сучишь! А я поживаю легко и открыто – и этого ты мне вовек не простишь. И в позднесоветской и в нынешней жизни, и в вёдро, и если не видно ни зги, я просто жила и служила отчизне, а ты ей постыдно лизал сапоги. . . Ты был и евреем и антисемитом, кидался туда, где поболее куш. Уходи непризнанным, незначимым, слепой браконьер человеческих душ. Теперь ты клевещешь, ну, нет уж, довольно! – мне мертвые вверили быть на чеку. Господь научил – и ни капли не больно! А хочешь, другую подставлю чеку?”

Особенно позабавила меня строка, где она сравнивает наши литературные судьбы:

“Я просто жила и служила отчизне, а ты ей постыдно лизал сапоги”. Помилуй Бог, отчизна – это Родина-мать, какие могут быть у отчизны “сапоги”? “Сапоги” были у Сталина, но их лизал не я, а Евтушенко, “сапоги” были у Ельцина, но их лизала целая шеренга кондаковских единомышленников-“демократов” – Чудакова, Оскоцкий, Черниченко, Карякин, Ахмадуллина, Гранин, Ал. Иванов и прочие подписанты позорного письма “42 писателей”, требовавшего от Ельцина репрессий над патриотами в октябрьские дни 1993 года, регулярно потом собиравшиеся на разговор с ним в Бетховенском зале. “Сапоги” лизал у А. Н. Яковлева Ф. Кузнецов, когда помогал члену Политбюро в работе над известной русофобской статьёй **“Против антиисторизма”**. А Поляков – гуру и покровитель Кондаковой, являющийся сегодня функционером “Единой России”, – кому из её высших чиновников, делая партийную карьеру, он “лижет сапоги”, к кому из вице-премьеров напрашивается на приём? Вот о чём надо переделкинской амазонке подумать.

Ну, в конце концов, тот факт, что Кондакова помогла своему начальнику – председателю Литфонда Полякову – отсудить переделкинскую собственность, пошла на риск лжесвидетельства, разве это нельзя понять так, что она (разумеется, фигурально) от избытка чувств вылизала ему обувь?

А с каким неграмотным, но искренним пафосом пишет Надя о своём призвании – *“мне мёртвые вверили быть начеку”*. Значит, у неё есть уверенность не только от живого Огнева, но и от кого-то из мёртвых? Интересно, кто же из мёртвых поддерживает её, от чьего имени пророчествует наша весталка? Может быть, это о своём бывшем муже Борисе Примерове? Он был честным и талантливым русским поэтом. У меня с ним в 60-е годы сложились товарищеские отношения. Не раз, бывало, мы собирались вместе с Рубцовым, Передреевым, Соколовым в одном кругу.

В 1995 году Борис Примеров повесился на своей переделкинской даче, которую унаследовала после него Кондакова. Борис наложил на себя руки в отчаянье от того, что на его глазах рухнул Советский Союз, а жена становится оголтелой демократкой. *“Боже, верни нам Советскую власть”*, – писал он в своём предсмертном стихотворении. Я думаю, что если он является своей вдове и что-то “вверяет” ей, то, конечно же, негодует за глупые и лживые стихи, которые она печатает в “ЛГ”, за разрушение любимого им Переделкино, последнего оплота советской писательской жизни. . .

Но что там Борис Примеров! Наша “дама с прошлым” *“пивала в охотку и с Высоцким – шампанское и с Вампиловым водку”* (в той же подборке), но, однако, и этого общения ей мало: она, оказывается, *“учится” “у Блока умирать”*.

Правда, Александр Блок умирал в нищете и почти голодной смертью в пустой квартире, а Надюша только что вложила около трёх миллионов рублей в **“ремонт и реконструкцию своей дачи”**, наверное, не для того, чтобы умереть на ней с голоду. . .

В своём рифмованном поклёпе Кондакова пишет, что будто бы я *“кидался туда, где поболее куш”*. Хочу сообщить нашей прокурорше, что когда меня в апреле 2008 г. избрали председателем МЛФ, то я на другой день распорядился, чтобы моя зарплата на той же должности была вдвое меньше кузнецовской (дабы не уподобляться ему). И зарплата Переверзину мною была тоже сокращена вдвое. Пусть писатели знают, что мы избраны не для того, чтобы обогащаться по-кузнецовски “на халяву”, а чтобы спасти Переделкино от приватизаторов.

А сэкономленные от наших зарплат средства пошли на поддержку местных отделений МЛФ.

Пусть к тому же задумается Кондакова о том, что литгазетовская зарплата её покровителя Ю. Полякова равна или даже превышает сумму ежемесячных зарплат всех 20 сотрудников журнала “Наш современник”. Вот уж кто ищет, “где поболее куш”. . .

“А хочешь, другую подставлю щеку?” – с неожиданным кокетством взбрыкивает Надя в последней строке. Не надо, ради Бога, не нужна мне ни твоя ланита, ни какая другая часть тела. С мужчинами, несправедливо и неосмотрительно оскорблявшими меня, я не церемонился. Мои пощёчины горели на щеках многих авторов и даже сотрудников “Литгазеты”. Но это мужчины. А как поступать с женщинами? Не знаю. Поэтому скажу так: во-первых, Евангелие надо знать, дорогая. “Другая щека” подставляется только после того, когда уже на первой лежит отпечаток. А во-вторых, с женщинами, какими бы они ни были, разговаривать на языке пощёчин и бесполезно, и некрасиво. К тому же я человек брезгливый, после этого действия потом руку не отмоешь. Не думаю, чтобы Поляков сам был в восторге от этого рифмованного пасквиля. Он всё-таки когда-то писал стихи. Неталантливые, но грамотные. Однако за услугу, которую ему оказала в суде пасквилянтка, надо платить не какими-то двумя-тремя стишками, а целыми газетными полосами.

Интересно, а В. Личутин и В. Костров, постоянные авторы журнала “Наш современник”, всё последнее время поддерживающие Полякова, считают ли они допустимыми такие запредельные формы “литературной полемики”, какие себе позволяет “Литгазета”, публикуя “отвязанное” рифмоплётство Н. Кондаковой?

Конечно, это зарифмованное хамство не могло быть напечатано в “ЛГ” помимо воли Ю. Полякова. А потому хочу ему сказать: Юрий Михайлович, один раз вы подставили бедную девушку в Видновском суде, подтолкнув её на лже-свидетельство. Не слишком ли жестоко так использовать её во второй раз? Вы функционер опытный, а она ведь не ведаёт, что творит. Куда вы толкаете её, эту переделкинскую шахидку? Она, идя по вашим следам, уже начинает бормотать в стихах, обращённых ко мне, что-то несусветное: “еврей”, “антисемит”. . . “При чём тут я?” – вы скажете?

А помните 22 мая 2008 г. на вашей конференции? Вы вместе с Кузнецовым чего только не наговорили. Один из вас публично возмущался тем, что я будто бы считаю его евреем, другой негодовал, что я распускаю слухи, будто бы кузнецовская дочка замужем за немецким евреем...

Поймите, ради Бога: кто вы, из какого рода-племени, за кем замужем ваши дочери (которых я, как и их мужей, никогда в глаза не видел) – всё это мне “по барабану”. Перестаньте сплетничать и разыгрывать в борьбе со мной замусоленную еврейскую карту и обучать этой нечистой игре доверчивое и послушное вам переделкинское существо. Жалко её. Таких, как она, надо беречь. Таких искренних и послушных стервоз на белом свете мало. Да и Жору Зайцева берегите. Он ведь тоже несмышлёныш, за которым вы с Кузнецовым всё время прячетесь, выталкивая его, как штрафника, вперёд, на линию огня. Он подходит ко мне в Московском суде и говорит:

– Ну, Станислав Юрьевич, как же вы подзалетели!

А я ему отвечаю по-одесски:

– Ты, Жора, за мою судьбу не волнуйся, наша судьба – литература: а в этом смысле у меня всё в порядке. Ты о себе подумай: ну зачем ты со своими природными данными в русскую литературу полез?

... А во всём виноват Иван Переверзин. Уговорил меня дать согласие возглавить Литфонд. Разворошили мы груды накопленного поляковско-кузнецовского дерьма и теперь сами задыхаемся от смрада... Ну, Ваня, погоди!

А я-то – тоже хорош! С кем только не сходил в литературных схватках: с Татьяной Глушковой, с Ильёй Глазуновым, с Владимиром Бушиным, с Александром Межировым, с Давидом Самойловым, с Анатолием Эфросом, с Марком Дейчем, с Виктором Астафьевым – и, в конечном счёте, как бы мне самому ни доставалось, – всё-таки побеждал.

А теперь сподобила меня судьба отвечать какой-то, как это помягче сказать, – Кондаковой. Господи, как низко я пал на старости лет!

Встречаться на одних дорожках с поэтической, которая разговаривает со знаменитыми “мёртвыми”, “пивала шампанское с водкой” с самим Высоцким и с Вампиловым, да ещё собирается помереть “той же святомученической смертью”, что и Александр Блок – нет, я не достоин.